

Предисловие переводчика

В ЭТОМ МИРЕ НЕТ НИЧЕГО СТРАННОГО

Японские издательства традиционно рекламируют романы Нацухико Кёгоку как повествования о сверхъестественном, о чем свидетельствуют и обложки оригинальных изданий его книг, на которых изображены всевозможные *обакэ* или *ёкаи* — загадочные существа и призраки, густо населяющие японский фольклор. Так, *убумэ* — дух, предстающий в образе полуженщины-полуптицы в окровавленной одежде, обнимающей закутанного в пеленки младенца, — можно увидеть на обложке его дебютного романа «Лето убумэ», положившего начало серии «Ночное шествие сотни демонов» о детективе Акихико Тюдзэндзи по прозвищу Кёгокудо и его друге, писателе Тацуми Сэкигути. Серия включает в себя 12 романов и 6 сборников повестей и рассказов.

Роман «Лето убумэ» был опубликован в 1994 году. Неизвестный на тот момент начинающий автор принес рукопись в крупнейшее издательство «Коданся», и сразу после публикации книга стала бестселлером — ее успех привел к тому, что была учреждена новая литературная премия «Мефисто эурд» для молодых авторов в жанрах мистического детектива, триллера и ужасов. Несмотря на эффект, производимый на японскую читающую публику каждым новым романом Нацухико Кёгоку, многочисленные теле- и киноадаптации, «Лето убумэ» регулярно переиздается, был адаптирован в виде ман-

ги и экранизирован и уже давно считается классикой японской литературы. Сегодня трудно представить себе другое произведение, которое оказало бы большее влияние на развитие как современного японского хоррора и мистики, так и хонкаку-детектива. Тем не менее сюжет его необычен даже для столь причудливых жанров.

1952 год. Послевоенная Япония. Череда странных и зловещих событий потрясает старинный род потомственных врачей Куондзи, со времен эпохи Мэйдзи (1868—1912) владеющий частной гинекологической клиникой. В Токио подобно пожару распространяются подогреваемые бульварной прессой слухи о том, что младшая дочь семьи, Кёко Куондзи, носит ребенка уже в течение 20 месяцев и никак не может разрешиться от бремени, а ее муж Макио бесследно исчез из запертой комнаты. Подозрения окружающих и страх за репутацию семьи окружают дом Куондзи непроницаемой стеной догадок и домыслов. Про них ползут разного рода слухи, один страшнее и фантастичнее другого: поговаривают, что в течение последних двенадцати лет из клиники пропали несколько новорожденных младенцев и в наказание за свои преступления семья Куондзи была проклята, а их младшая дочь забеременела младенцем-демоном. Члены семьи остаются в социальной изоляции без всякой надежды на помощь врачей или полиции — до тех пор, пока писатель Тацуми Сэкигути, подрабатывающий сочинением детективных историй и криминальной хроники для журналов, не уговаривает заняться этим делом своего друга, хозяина букинистического магазина, который одновременно является настоятелем небольшого синтоистского храма и чародеем-*аммёдзи*, владеющим техникой *цукимоно-отоси* — изгнания злых духов и снятия одержимостей. Здесь нужно заметить, что читателю, который отважится погрузиться в таинственный и жуткий мир романов Нацухико Кёгоку, придется привыкнуть к большому количеству снабженной пояснениями специфической религиозной и фольклорной терминологии, неотделимой от сюжетной канвы его историй. В оригинале тексты Кёго-

ку содержат множество устаревших и редких иероглифов, снабженных фонетическими подсказками — так называемой *фуриганой*, поскольку подобные знаки сложно читать даже самим японцам, а также ныне не использующихся грамматических конструкций и выражений, отчасти замедляющих чтение, но при этом точно передающих атмосферу времени.

Само чтение произведений Нацухико Кёгоку напоминает настоящее расследование, в котором можно выделить по крайней мере три основных направления. Первое — это классическое распутывание логических загадок: исчезновение человека из запертой комнаты, похищения младенцев, поиски ответа на главный вопрос всех детективных сюжетов: «Кто же убийца?» При этом оно не интересует самого детектива: для него цель состоит именно в проведении обряда цукимоно-отоси, избавлении людей от одержимости злыми духами, поселившимися в их душах, а обнаружение преступника и разгадка тайны становятся скорее побочным эффектом успешно проведенного обряда. Можно сказать, что для Кёгоку одержимость — «проклятие», с которым человек вынужден жить многие годы, если не всю жизнь, — обычно сама по себе является достаточным наказанием за содеянное, не требующим вмешательства полиции и судебного приговора.

Второе направление расследования — значительно более необычное и связано именно с методом работы «детектива-экзорциста». В детективной литературе можно встретить немало сыщиков-любителей, сыщиков-книготорговцев и даже детективов-священников, однако центральный персонаж романов Нацухико Кёгоку по праву занимает среди них свое особое место. Его метод можно коротко сформулировать в одной фразе, которую он неоднократно повторяет своему другу Тацуми Сэкигути: «В этом мире нет ничего странного, Сэкигути-кун». Под «странным» имеется в виду все в диапазоне от просто «необычного» до «сверхъестественного» и «потустороннего». Все это, по мнению Кёгоку, имеет свое логическое обоснование, у всего есть причина, коренящаяся в самой обыденной и привычной повседневности, поэто-

му «когда бы и что бы ни происходило — в этом нет ничего удивительного, а когда ничего не происходит — это тоже естественно. Все происходит только так, как должно происходить». Кёгокудо, будучи священником, не верит в сверхъестественное и призраков, утверждая, что сверхъестественное настолько реально, насколько ему позволяет быть реальным человеческий разум, и лишь разум на свое усмотрение проводит не существующую в действительности границу между реальным и мистическим.

Казалось бы, исходя из этого, в романе «Лето убумэ» все должно происходить в точности так, как в старинном японском предании эпохи Эмпо (1673—1681) под названием «Случай появления чудовища угумэ в журавлином лесу», которое записано в книге «Сто историй о призраках из разных стран». В лесу неподалеку от Киото объявился оборотень, издававший по ночам зловещие крики, похожие на плач младенца. Среди горожан поползли слухи, будто бы в лесу поселилась угумэ (местное произнесение названия призрака), похищающая детей. Один храбрый самурай отправился ночью в лес, чтобы сразиться с ней, и, услышав крик и различив в ветвях силуэт чудовища, отрубил ему голову катаной. Когда тело было вынесено на свет, обнаружилось, что это была всего лишь большая ночная цапля.

Однако объяснение действующих в истории мистических сил, древних проклятий и одержимости злыми духами вовсе не напоминает «магические трюки с разоблачением», когда читателю сначала предлагается загадка, в которой на первый взгляд непременно должна быть задействована магия, а затем предьявляется простой и понятный механизм, исключаяющий вмешательство каких бы то ни было сил за пределами известных современной науке. Иными словами, это имеет не так много общего с дедуктивным методом Шерлока Холмса, производящим неизгладимое впечатление на доктора Ватсона, когда тот слышит лишь конечный вывод, оставаясь в неведении относительно всей предшествовавшей цепи логических рассуждений. В случае Кёгокудо область его расследо-

вания — и профессиональной деятельности как *оммёдзи*, лечающего от одержимостей, — относится не к сфере механики, но к тонкой сфере человеческой психики, где и по сей день больше зыбких гипотез, нежели строгих, экспериментально подтвержденных концепций. Обряд избавления от одержимости — цукимоно-отоси — в исполнении Кёгокудо не является чисто религиозной практикой, но вместе с тем одержимость, по его мнению, невозможно объяснить языком современной психологии или психофизиологии. «Я показываю ученому призрака при ясном свете дня и учу верующего, как развеять его призраков, не произнеся ни единой молитвы». Дисциплинированный научный ум детектива, отвергающий одновременно и чисто рациональный, и сугубо мистический подход, открывает истины не просто невероятные, но подчас в принципе не укладывающиеся в рамки привычной рациональности и требующие по крайней мере ее пересмотра.

В самом начале романа Кёгокудо в пространной беседе с Сэкигути излагает свою теорию взаимодействия человека с окружающей действительностью, четко разделяя мир внутренний и мир внешний. Если внешний мир подчиняется физическим законам природы — иными словами, может быть познан с помощью физических, химических и других научных методов, то внутренний мир человека, его психика, а лучше сказать — его *душа* полностью игнорирует эти законы. Чтобы человек мог жить своей повседневной жизнью, его мозгу необходимо постоянно приводить эти два мира в соответствие друг с другом, регулируя поток информации, поступающий извне, и преобразуя его таким образом, чтобы он был понятен человеческой душе. Рациональный мозг и иррациональная душа разделены; их объединяет сознание, которое, по мнению Кёгокудо, является единственной областью их взаимодействия, «торговой зоной», подобной острову Дэдзима в период изоляции Японии от Запада. Внутренний и внешний миры ни в коем случае не должны смешиваться, — но что, если это все же в какой-то момент случается?

В душе — или в *сердце* — человека каждую секунду происходит множество событий, не подчиняющихся никаким правилам формальной логики; душа выдвигает мозгу подчас самые невероятные требования — например, отчаянно желая увидеть давно умершего человека, — и мозгу приходится выполнять эти требования. Например, искажая воспоминания или позволяя человеку увидеть *призрака*. И тогда не происходящие и не существующие в объективной реальности вещи приобретают для человека четкие очертания и формы, неотличимые от событий реального мира. «...призраки есть. Ты можешь увидеть их, дотронуться до них, услышать их голоса. Однако они не существуют. Вот почему наука не может их исследовать — но лишь на том основании, что науке они неподвластны, ошибочно полагать их выдумками нашего воображения. Потому что в действительности они все же есть».

Душа человека, ставшего жертвой несправедливости и жестокости, пострадавшего от непереносимой утраты, отказывается признавать реальность, требуя от мозга создать новую иллюзорную реальность, которую она сможет принять. Потустороннее, иллюзия, сон наяву становятся единственным способом примирить внутренний мир человека с невыносимой действительностью. Так возникает, собственно, *одержимость*, порождая призраков и мстительных духов — *юрэй*, которые, живя исключительно в сознании одержимого, тем не менее действуют в объективной — *обыденной* — реальности. Так *существуют* ли они? Да, несомненно, ведь преступления, совершаемые ими, в конечном счете становятся предметом расследования полиции. Больше того — будучи порождениями не физического, но духовного мира, они совершают преступления *не от мира сего* — иными словами, такие преступления невозможно раскрыть при помощи обычного расследования мотивов и обстоятельств происшествия, каким бы тщательным и логически выстроенным оно ни было. Преступления, совершенные мстительными призраками и злыми духами, требуют особого подхода, особой усложненной логики, допускающей, что мозг, понуждаемый одержимой душой,

может заставить человека увидеть призрак с такой же легкостью, с какой мы видим стоящую перед нами на столе чашку. Окружающие же не только увидят действия и сам облик этого призрака (как самурай из предания увидел очертания угумэ в ночном лесу), но и завершат его каждый в силу своих знаний, степени доверия к сверхъестественному и воображения, благодаря чему рождаются самые причудливые и зловещие слухи, разобраться в которых едва ли под силу обычному детективу.

«Тьма, таящаяся в человеческих сердцах», или, проще говоря, идея о материальном воплощении психических конфликтов — мотив, ставший распространенным в популярной японской литературе и анимации во многом благодаря произведениям Нацухико Кёгоку, — в его собственных текстах предстает в своем изначальном, несколько не упрощенном виде. Мистические детективы Нацухико Кёгоку в буквальном смысле преобразили жанр современного хонкаку-детektива: логическая игра, требовавшая от сыщика почти сверхчеловеческой наблюдательности, но все же не выходящая за рамки поиска мельчайших деталей и «наблюдения за видимым», дополнилась необходимостью «видеть невидимое», погружаться в глубины памяти, разгадывать тайны человеческих взаимоотношений и скрытых движений души. Пусть призраки и не существуют так, как существуют прочие объекты материального мира, но они — отражение более чем реальных бед и проблем, возникающих из неспособности смириться с травмирующей действительностью, а также страстей, бушующих в человеческом сердце. Немаловажную роль здесь играет и критика скованного устаревшими традициями общества, в котором при любых обстоятельствах необходимо «сохранять лицо», из-за чего все неблагоприятное и сомнительное «оказывается похороненным во мраке» и страдающая душа вынуждена молчать и даже в собственной семье носить бесстрастную маску, подобную маске театра Но.

В связи с этим в произведениях автора отсутствуют «персонажи-схемы», характерные для классического хонкаку-детektива, и во многом серия о Кёгокудо, очевидно, обязана

своей популярностью глубоко прописанным необычным героям — погруженному в вечную меланхолию Тацуми Сэкигути, эксцентричному частному детективу Рэйдзиро Энокидзу, упрямому и вспыльчивому полицейскому инспектору Сютаро Кибэ и другим. В то же время это ни в коей мере нельзя назвать возвращением к традиционному детективу, и в произведениях Нацухико Кёгоку также можно обнаружить характерную для хонкаку-детективов театральность поведения и манеры персонажей изъясняться. Последнее, однако, служит в значительной мере приемом отстранения: вовлекаясь в действие благодаря живым характерным персонажам, читатель вместе с тем наблюдает происходящее со стороны, как бы блуждая вместе с рассказчиком — Тацуми Сэкигути — в плотном тумане или знойном летнем мареве, время от времени испытывая приступы головокружения. Так возникает третье — наиболее загадочное направление расследования, связанное уже не непосредственно с происходящим в тексте, но с тем, каким образом этот текст воздействует на читателя. Несмотря на принадлежность к жанру, «Лето убумэ» и последующие романы этой серии («Ящик нечисти Морё», «Сон о Кёкоцу», «Клетка железной крысы Тэссо», «Закон Дзёрогумо» и другие) трудно отнести к чисто развлекательной литературе. Это сложные драмы страстей и мучительных воспоминаний, настолько сильных, что они воплощаются в виде призраков и демонов. Внимательно всматриваясь в то, как персонажи играют в этих пьесах свои судьбы, читатель может отправиться в путешествие по собственной памяти, погружаясь в свое прошлое и переосмысливая его с помощью логического метода, изобретенного детективом-оммёджи Кёгокудо.

Анаит Григорян

*С каждым, кто возьмет в руки эту книгу,
да пребудет благословение Розы и Креста*

Убумэ —

...ночная куртизанка или небесная дева, которую также называют демонической птицей и иногда — серой цаплей. Говорят, что ее появление предвещают *ignes fatui*, или блуждающие огни. По этой причине замеченные во влажные дождливые ночи «огни серой цапли» или мерцающие пятна света среди стволов сосен связывают с присутствием этой птицы...

«Нанасигуса»

*(общее название источников,
автор которых неизвестен)*

Убумэ —

Будучи разновидностью демонов, часто завладевающих человеческой душой, убумэ нередко появляются в Цзиньчжоу в провинции Хэбэй. Облачаясь в перья, убумэ становятся птицами и обретают способность летать; сбрасывая же перья, они обращаются в женщин. Когда умирает женщина, носившая под сердцем ребенка, она превращается в убумэ. Поэтому у убумэ (в том числе в обличье птицы) женская грудь, и ее главное и единственное желание — это похитить ребенка у живой женщины и сделать его своим. В связи с этим членам семьи, в которой

есть новорожденные дети, никогда не следует оставлять свое белье сушиться на улице на ночь, поскольку явится убумэ и пометит оставленную одежду каплей своей крови. После этого новорожденный начнет страдать кошмарами, судорожными припадками и прочими нервными расстройствами. Следует отметить также, что все эти птицы без исключения женского пола. Они появляются по ночам в седьмом и восьмом месяцах года, чтобы смущать и утрашать людей.

*«Бэньцао ганму»,
или «Компендиум лекарственных веществ»
Ли Шичжэнь, династия Мин, 1578*

Относительно происхождения убумэ —
...(убумэ) появляется в случае, когда женщина, в утробе которой находился нерожденный ребенок, умирает и затем ее тело оказывается выброшенным в поле или погребенным ненадлежащим образом. Чтобы спасти от гибели своего ребенка и дать ему возможность появиться на свет, душа матери обретает форму и бродит по ночам, прижимая к себе своего младенца и издавая горестные стоны, оплакивая его. Убумэ выглядит обессиленной, и одежды ее от пояса и ниже пропитаны кровью...

*«Кийдзо дансю»,
или «Собрание удивительных историй»
опубликовано Ибараки Тадзаэмоном в Киото
в 4 год эры Дзёкё (1687)*

Некоторые сведения об убумэ —
Из всех передаваемых из уст в уста таинственных историй те, что повествуют об убумэ, — самые противоречивые и пугающие. Говорят, когда умирает беременная женщина, ее привязанность к ребенку обретает физическую форму. Она становится призраком, чье тело от пояса и

ЛЕТО ЗЛЫХ ДУХОВ УБУМЭ

ниже залито кровью, плачущим подобно птице: «обаро-о, обаро-о». Будучи знакомыми с рассказами о людях, превращающихся после смерти в подобных существ, как можем мы утверждать, что у нас имеются основания для сомнений в существовании ада? Это за гранью человеческого понимания.

*«Хякумоногатари хёбан»,
или «Рассуждения о ста повестях о призраках»
Гэнрин Ямаока, опубликовано Мотоёси Ямаокой
в 3 год эры Дзёкё (1686)*